

— На самом деле это тоже птица, она умеет летать, смотри, — Цзян Чжо поднял её за шкуру.

Он разжал пальцы: крылья беспомощно затрепетали, бумажная птица криво-косо взмыла в воздух, а затем врезалась в дерево, превратившись в ком помятой талисманной бумаги. На этом всё было кончено.

Тяньнаньсин не нашлась что ответить. Опасаясь, что он продолжит эту тему, она отвернулась, кивнула на стоявшую позади паланкин-беседку и произнесла:

— Эта сестрица очень хорошая, мы должны её похоронить.

Цзян Чжо как раз собирался предложить то же самое:

— Когда рассеивание Хребта Мин-гун завершится, Управление Тяньмин непременно выберет нового Божественного Наследника. Тогда мы пойдём в противоположную сторону.

Это было странным явлением. Раньше, когда Управления Тяньмин не существовало, стоило местным божествам рассеяться, как Наследники появлялись сами собой — в чужое вмешательство они не нуждались. Но с появлением Управления Тяньмин на всех божествах словно повисли именные бирки, и Наследники перестали рождаться естественным путём.

Учитель часто говорил, что божества — это создания, избранные самой землей. Получая её благодать, они защищают эту землю, и между ними издревле действуют свои неписанные законы. Управление Тяньмин же шло против течения и искажало Небесный Путь, а значит, рано или поздно их постигло бы возмездие.

Вдвоем они вволю отругали Управление Тяньмин, после чего не стали возвращаться к переправе, а углубились в Хребет Мин-гун. Среди ночи разразился яростный шторм с ливнем, а небесные знамения продолжались до самого следующего дня. К моменту, когда всё стихло, Цзян Чжо и Тяньнаньсин уже подошли к берегам Реки Лаосинь. Здесь громоздились гряды пиков, буйствовала зелень, а из-за того, что нога человека ступала сюда крайне редко, на воле резвилось множество горных духов.

Цзян Чжо слепил с десятков глиняных человечков — все разные, а стоило наклеить на них талисманы, как их лица и вовсе стали донельзя причудливыми. К счастью, призраки не стали капризничать: один за другим они нырнули внутрь глиняных фигур, превратившись в стайку шустрых маленьких горных духов, способных бегать и прыгать. Цзян Чжо сложил руки перед грудью и поклонился им:

— Дорогие сестрицы, места здесь изобилуют духовной энергией, это вполне неплохой уголок. Я выполняю поручение Хребта Мин-гун и доставил вас сюда, так что настала пора прощаться.

Маленькие горные духи окинули друг друга любопытными взглядами, с писками и толкотней

толпой облепили Цзян Чжо и тоже отвесили ему поклон. Этот поклон и стал прощанием, после чего они резвым галопом унеслись в заросли цветов и трав. Ничуть не дичаясь, они тут же зашептались с другими горными духами.

Тяньнаньсин спросила:

— Раз уж с этим покончено, я так и не спросила: на дне реки есть фитиль от путеводного фонаря?

Услышав её вопрос, Цзян Чжо извлёк Путеводный фонарь и протянул ей:

— Никакого фитиля. Только могила Старейшины Тыквенного Духа. Не знаю, что за чары наложили на этот фонарь, но заключённые в нём злые духи необычайно свирепы — они даже меня не слушают.

Тяньнаньсин взяла фонарь, долго разглядывала его со всех сторон, но так ничего и не поняла. Ей оставалось только вздохнуть:

— Я думала, на Хребте Мин-гун удастся найти хоть какие-то зацепки, но теперь похоже, что придётся искать в другом месте.

Пока они разговаривали, со всех сторон подступили горные духи. Они уже давно не видели людей, так что никакой злобы в них не было — лишь чистое любопытство. Они карабкались по ножнам меча Тяньнаньсин, дергали Цзян Чжо за рукава и во все глаза разглядывали обоих. От их теребильщины рукава Цзян Чжо заходили ходуном; опустив взгляд, он заметил, что оттуда выпали чешуйки и талисманские бумажки, а маленький бумажный человечек так и сидел на земле, снова уйдя в себя.

Цзян Чжо воспользовался случаем и представил спутницу:

— Я тут подобрал братца, только посмотри...

Он не успел договорить, как несколько горных духов сцепились из-за бумажного человечка, пытаясь оторвать его друг у друга. Никто не хотел уступать, и от этой возни бедный человечек зашатался, беспомощно мотая головой. В разгар борьбы кто-то резко дёрнул, и послышался звук разрываемой бумаги — бумажный человечек пополам раскололся!

Цзян Чжо мысленно взвыл: Конец!

Он торопливо подобрал человечка, но тот уже развалился на два обрывка бумаги и, безвольно обвиснув в его ладони, не подавал никаких признаков жизни. Поднеся обрывки к самому лицу, он несколько раз позвал братца, однако в ответ была тишина.

Сообразив, что натворили, горные духи мгновенно разлетелись во все стороны, словно птицы и звери, и скрылись из виду.

Цзян Чжо прочёл заклинание срачивания, но оно не возымело никакого действия: оба бумажных кусочка по-прежнему лежали тряпочками, позволяя мять их как угодно.

Тяньнаньсин заметила:

— Четвёртый брат, твой братец явно разозлился и ушёл, даже не попрощавшись.

По дороге она уже слышала от Цзян Чжо кое-что о бумажном человечке и знала, что тот служит вместилищем для души, а испортившись, теряет всякую пользу. Обладал он немалой силой, и, скорее всего, просто не желал путешествовать вместе с ними, воспользовавшись этим предлогом, чтобы сбежать.

Цзян Чжо отозвался:

— Ну и пусть себе уходит, лишь бы он был хорошим человеком и не творил зла где ни попадя.

Беспокоясь о той великой зловещей силе в паланкине, он изначально планировал после выхода наружу подержать бумажного человечка при себе, а уж разобравшись, кто он такой, принимать дальнейшие решения. Кто же знал, что всё сложится против воли небес и человечек вот так сломается. Поразмыслив немного, Цзян Чжо заметил, как обрывки бумаги у него на ладони внезапно вспыхнули сами собой.

Тяньнаньсин ухватила за рукоять меча:

— Четвёртый брат, берегись!

Из обрывка бумаги выметнулся язык пламени, обвился вокруг среднего пальца Цзян Чжо и слегка его обжёг. Когда он глянул туда снова, бумага уже обратилась в пепел, а на пальце остался отпечаток, похожий на завязанную вокруг него красную нитку.

Убедившись, что опасности нет, Тяньнаньсин наклонилась ближе:

— Что это?

— И сам не знаю, — покачал головой Цзян Чжо. — Похоже на какое-то тайное заклятие.

Он поднял руку, разглядывая эту красную нитку, и попытался влить в неё духовную силу, но та осталась глуха ко всему. Подумав ещё немного и не найдя разгадки, он решил пока отложить

это дело:

— От Учителя есть весть?

Тяньнаньсин покачала головой, и тогда Цзян Чжо достал из-под статуи Да-А костяной ларец и передал ей.

— А это что ещё такое? — спросила она.

— Земля, пропитанная зловонным дыханием Тайцина, — ответил Цзян Чжо. — Не знаю, будет ли какой-то толк, если её съесть.

Тяньнаньсин тщательно завернула ларец и важно произнесла:

— Я поняла. Это Четвёртый брат преподносит Учителю сыновний дар. Есть ли какие-то правила приёма внутрь, которые мне нужно передать?

Цзян Чжо тяжело вздохнул:

— Я просто хотел, чтобы Учитель взглянул, а не чтобы он её ел!

Они умолкли, глядя друг на друга. Цзян Чжо снова наклонился, поднял с земли те самые выпавшие чешуйки и талисманы и наказал Тяньнаньсин:

— Это чешуйки Мин-гуна, их тоже передай Учителю, и смотри не скажи, что они съедобные... Мм?

Вчера на дне реки было сумрачно, и он толком не рассмотрел чешую, но сейчас, под лучами солнца, на ней проступил какой-то знакомый знак. Рисунок напоминал оленя, обвитого узорами из языков пламени.

Тяньнаньсин тоже заметила его, удивленно выдохнула и с ходу назвала происхождение метки:

— Племя Огнекормов!

Будучи всецело преданной искусству меча, она не особо разбиралась в других кланах и сектах, но этот знак не могла бы перепутать ни с чем. В Поднебесной существовало три вида огня: Меч Кармического Огня Посо с горы Бэйлу, Огонь Разлуки Новолуния злого божества Тайцина и Истинное Пламя Палящего Солнца Племени Огнекормов. Первые два несли лишь кару, грех и сожжение, и только последний служил огнем для молитв и молений богам.

Предание гласило, что во время смуты Шести областей один клан, спасаясь от бедствий войны, бежал на южные болота и встретил там оленя, державшего в зубах огонь. Олень принёс им свет и тепло, и за это они возвели его в ранг болотного божества, нарекли Сюйле и стали поклоняться. Сюйле даровал им Истинное Пламя Палящего Солнца, после чего они сменили имя на Огнекормов, из поколения в поколение сделав служение огню своим ремеслом.

Тяньнаньсин произнесла:

— Племя Огнекормов давным-давно скрылось от мира и обитает за тысячи ли отсюда. С чего бы их метке оказаться на теле Мин-гуна?

Цзян Чжо разделял её недоумение. Он ещё раз повертел чешуйку на солнце и вдруг вспомнил слова Старейшины Тыквенного Духа о том, что ради призыва Тайцина тот принёс в жертву всех двенадцать выживших тыквенных духов вместе с собой. По логике вещей, он был мёртв, а мертвецы не способны творить заклинания! Раз так, то кто же вырвал глаз Мин-гуну и наложил на него указующее заклятие?

Тяньнаньсин видела, что Цзян Чжо долго молчит, и спросила:

— Четвёртый брат, о чём ты думаешь?

— Я думаю о том, что у того книжника за душой ни гроша, а в голове лишь глупости, — ответил Цзян Чжо. — Самим ему в Гробницу Духов-Кувшинов ни за что не проникнуть. А вот среди Огнекормов действительно хватает мастеров указующих заклятий. Если они и впрямь здесь побывали, то вполне могли использовать слово принуждения, чтобы заставить Мин-гуна подчиняться.

Такие выводы он делал не на пустом месте: следы племени Огнекормов оставались лишь там, где проходило Истинное Пламя Палящего Солнца.

Тяньнаньсин возразила:

— Но я никак не возьму в толк: Огнекормы испокон веков славились доброжелательностью и никогда не занимались потворством злу. С какой стати им так поступать с Мин-гуном?

В этом и заключалась вторая загадка для Цзян Чжо. Люди из племени Огнекормов в массе своей отличались мягким и кротким нравом: в обычное время они и мухи не обидят, не то что предаваться буйству и злодеяниям. Если бы не подлинность метки Огнекормов, Цзян Чжо ни за что не стал бы их подозревать.

Тяньнаньсин перевела взгляд вперед — там простиралась Река Лаосинь. Скрестив руки на груди, она заговорила снова:

— Впрочем, если пойти отсюда горными тропами, можно обойти посты Управления Тяньмин и у Саньчжуваней отыскать чёрную переправу. Сел на корабль там — и напрямую на юг до Мичэна, а за Мичэном уже начинаются земли Области Ван.

Хотя Цзян Чжо плохо ориентировался в дорогах, расположение Шести областей он знал. Область Ван граничила с южными болотами, и стоило преодолеть от неё ещё несколько дней сухопутного пути, как показались бы селения Огнекормов.

Тяньнаньсин продолжила:

— Если люди из племени Огнекормов и вправду заходили на Хребет Мин-гун, то этот путь — самый надежный. Он не пролегает через Императорский Путь Управления Тяньмин и не подвергается их досмотрам.

Ритуалы молений у Огнекормов были крайне сложными, и для каждого призыва Истинного Пламени Палящего Солнца требовалось слаженное взаимодействие двадцати четырёх служителей огня и Великого Жреца. Поэтому они всегда передвигались большими группами. Управление Тяньмин же держало под стражей все Императорские Пути, и стоило им заметить передвижение какого-нибудь клана или секты в полном составе, как они немедленно приставляли укротителей духов для слежки. Так что если Огнекормы желали остаться в тени, этот маршрут подходил лучше всего.

Цзян Чжо припрятал чешуйку и похвалил:

— Какая же умная у меня младшая сестрёнка, вся в Учителя! Время не ждёт, давай-ка двинемся вдоль этой дороги прямо к селению Огнекормов и во всём разберемся.

Он согласился настолько быстро, что казалось, будто план уже давно зрел у него в голове и он лишь ждал, пока Тяньнаньсин озвучит его вслух.

Когда они отыскиали чёрную переправу, оба поднялись на борт, и лишь посреди ночи, когда корабль уже шёл по воде, Тяньнаньсин вдруг резко села, запоздало сообразив: да Четвёртый брат согласился так охотно лишь потому, что слишком долго просидел в горах, и теперь просто использовал её слова, чтобы смотаться на юг поглазеть на мир!

Спустя чуть больше полумесяца судно прибыло в Мичэн. События показали, что подозрения Тяньнаньсин были абсолютно верны: стоило им сойти на берег, как Цзян Чжо тут же ожил. Сначала он набил желудок в чайной лавке у причала, а затем отправился в соседние переулки глазеть на бои сверчков.

Поскольку этот причал принимал чёрные суда, швартовались здесь по большей части приверженцы еретических учений да соляные торговцы, промышлявшие контрабандой и перепродажей талисманной бумаги. С тех пор как Управление Тяньмин проложило Императорские Пути и упорядочило удостоверения личности во всех областях, любые кланы и

секты, отказавшиеся склонить головы и подчиниться, были сильно ограничены в передвижениях. В результате соляные торговцы, некогда бывшие самыми презренными изгоями времён смуты Шести областей, в мгновение ока превратились в желанных гостей. Они знали все водные и сухопутные пути трёх гор и шести областей, и за хорошую плату были готовы перевезти что угодно.

Оба судна, на которых плыла Тяньнаньсин, принадлежали именно соляным торговцам. Чтобы добраться до Области Ван, им предстояло пересечь на грузовую повозку тех же соляных торговцев, однако те отправлялись не ежеминутно. Близился вечер, и самая ранняя повозка ожидалась только на рассвете. Натешившись боями сверчков, парочка принялась бесцельно бродить по городу.

Вдали зажглись две линии уличных фонарей, похожие на праздничную иллюминацию. Цзян Чжо поинтересовался:

— Что за праздник сегодня?

Откуда было знать Тяньнаньсин? Она судорожно прижимала к себе меч, опасаясь воришек — на улице яблоку негде было упасть, кругом кишели толпы людей. Её качало из стороны в сторону от людского натиска, и выговорить связно хоть слово не получалось:

— Да какая разница... Подумаешь, праздник... о котором мы понятия не имеем!

— Приглядывай за кошельком, — бросил Цзян Чжо, — а то останешься без денег, даже если меч уцелеет.

Тяньнаньсин уже было не до того, да и разве какие-то деньги могли сравниться по ценности с её мечом? Неизвестно куда забрели они вдвоем, как вдруг к ним прибилась ещё одна шумная компания зевак.

— Сегодня Лёха-Шустрик сойдётся с Ванькой-Смертником, оба из Управления Тяньмин!

— На Платформе Южного Императора выставили любые повозки, скакунов и диковинные игрушки! Маленький господин Тао ставит на Ваньку-Смертника, и я поставлю на Ваньку!

— Вот задали вы мне задачку!

Цзян Чжо прислушался и непринужденно влился в разговор:

— Уважаемые, а кто такой Лёха-Шустрик и кто такой Ванька-Смертник?

Его манера держаться была настолько естественной, будто они знали друг друга сто лет. Эта

компания простофилей обернулась и застыла от изумления: изысканная и дерзкая красота незнакомца сияла ярче праздничных огней этого города, а от их распахнутых ртов так и веяло простодушием.

Подождав немного и заметив, что те таращатся на него во все глаза, глупея на глазах, Цзян Чжо счёл это забавным. Терпения ему было не занимать, но стоять долго он не стал и просто зашагал дальше. Едва он отошел, как сзади донеслось:

— Эй! Прошу, постойте...

Заглянув в питейную заведение пропустить чарочку, он заодно задал хозяйшке тот же вопрос. Оказалось, что Мичэн — единственный город без сна среди двух южных областей, прозванный к тому же Площадкой Роскоши. Он делился на четыре рынка и тридцать шесть улиц, где повсюду кишели таверны, чайные дома, мясные и вегетарианские лавки, игральные залы — жизнь здесь кипела и днём, и ночью. Кроме того, город славился на весь свет своей Платформой Южного Императора. Каждые семь дней там устраивались бои за звание сильнейшего, куда сходились обладатели самой мощной физической силы со всех областей и городов, чтобы сойтись в кулачном бою с обнаженными торсами прямо на арене. По этой причине в дни состязаний улицы были забиты до отказа, а окрестности тонули в толпах народа.

Сам Цзян Чжо к подобным схваткам интереса не питал. Пропустив рюмочку вина, он вдруг вспомнил про Тяньнаньсин, но в этом людском море от девушки давно и след простыл.

На высоченной Платформе Южного Императора прогремел салют, и вокруг раздался взрыв восторженных криков. Цзян Чжо пару раз окликнул Тяньнаньсин, но в таком шуме его никто бы не услышал. Он шагнул к рукаву — бумажные фигурки трёхногих петухов он извёл ещё по дороге. Пройдя пару шагов, он вернулся назад и тихонько пробормотал:

— Грех-то какой, грех, совсем позабыл о младшей сестрёнке!

Но то был не Хребет Мин-гун: народу вокруг толпились тысячи и миллионы, и торчать на одном месте в ожидании было бессмысленно. Поразмыслив, Цзян Чжо решил, что веселье наверняка не утихнет до рассвета, так что можно будет поискать её позже. Осушив те три ляна вина, что он только что взял, он заглянул в следующую лавку и купил ещё три.

Любовь к выпивке передалась Цзян Чжо от учителя. Ши Ицзюнь целыми днями упивался в хлам на горе, оттого и ученики у него вышли один другого ненадежнее. Взять хотя бы старшую Сяоцзе: та вообще превзошла всех — в первый же спуск с горы пропила все деньги, данные Учителем, а потом дралась всю дорогу до Чжунчжоу, пока её там не схватили и не приволокли обратно на гору Бэйлу, где долго и смачно отчитывали.

Когда настала очередь Цзян Чжо, стоило ему спуститься с горы в Чжунчжоу, как его принялись гонять по всей округе — и всё благодаря старшей Сяоцзе, из-за которой он на каждом шагу натывался на врагов. Пришлось ему податься на восток, да только ангелом он

тоже не был: на востоке он нос к носу столкнулся с Управлением Тяньмин. По тем временам Управление ещё не обладало таким влиянием... Впрочем, даже обладая оно им, Цзян Чжо ничуть бы не испугался. Просто у него на душе лежала одна забота, о которой он думал и в горах, и внизу.

Платформа Южного Императора содрогалась от страшного грохота. Потягивая вино, Цзян Чжо вспоминал события двадцатилетней давности, а затем — свой меч. Но его меч давно сломался, и вытягивать лезвие на нём было больше нельзя.

У Меча Кармического Огня Посо имелось пять форм: всё начиналось с Вытягивания Лезвия и заканчивалось Без Возврата. Все всегда подсмеивались над этими названиями: мол, найдётся ли безумец, чья обнажённая сталь не возвращается в ножны? Но Учитель говаривал, что каждое поколение учеников Секты Пошо не возвращает мечи в ножны — когда погибает человек, умирает и меч, а под горой Бэйлу лежит целое кладбище сломанных клинков.

Наверху кто-то перебирал струны пипы. Поднявшись наверх, Цзян Чжо увидел слепую девушку-музыкантшу. Отыскав пустой столик, он принялся слушать её песню Поход на Север. Посреди мелодии снизу донёсся гвалт: толпа зевак сопровождала какого-то донельзя тощего юношу, поднимавшегося по лестнице. Едва заметив его, едоки и чаёвники зашептали: Маленький господин Тао.

Этот Маленький господин Тао держался с огромным высокомерием и даже не удостоивал никого прямым взглядом, усаживаясь за столик у окна. Хозяин заведения лично подбежал с извинениями: мол, лучшие кабинеты сегодня заняты, так что юному господину придётся довольствоваться местом у окна.

Кто-то из свиты Маленького господина Тао тут же взъярился:

— Совсем страх потерял! Смеешь отдавать чужим людям кабинет Маленького господина Тао!

Хозяин с жалкими извинениями забормотал:

— Разве посмели бы мы портить настроение нашему Маленькому господину? Просто сегодня... понимаете ли, внутри сидят господа из самого Управления Тяньмин!

Стоило ему упомянуть Управление Тяньмин, как у всех сидящих тут же пропало желание спорить. Мичэн — это тебе не глушь вроде Хребта Мин-гун, здесь на каждом шагу крутые господа. Переглянувшись, компания умолкла. Когда хозяин откланялся и исчез, тот же угодник процедил:

— Если бы не... да кто вообще мог тягаться с могуществом нашего господина Тао в былые дни!

Маленький господин Тао молча пил вино, судя по всему, пребывая в отвратительном

настроении. Черты лица у него были вполне миловидные, но чрезмерная худоба придавала им болезненность, а из-за кислого выражения лица проступало что-то злобное.

Цзян Чжо отлично знал таких людей: они терпеть не могли ударов по своему самолюбию, и стоило им хоть в чём-то ущемить себя, как они тут же пытались отыграться на ком-нибудь другом. Не прошло и мгновения, как Маленький господин Тао презрительно бросил:

— Что за мотив?

Его спутник услужливо отозвался:

— Поход на Север.

Маленький господин Тао плеснул вином на пол:

— Паршивый мотив, только в ушах звенит от этого шума! Тренькают и тренькают, как же ты надоела, слепая уродина!

Ни за что ни прочто обруганная слепая девушка в испуге поднялась на ноги. Сидевший рядом седой старик тут же принялся кланяться и извиняться:

— Простите великодушно юного господина, мы сейчас сыграем другую песню.

Маленький господин Тао потребовал:

— Мелодию Платформы Южного Императора знаешь?

При этих словах все вокруг сразу поняли, что он ищет повод сорвать злость. Песня Платформы Южного Императора была великим мичэнским напевом, и сольной партией на пипе тут было не обойтись.

Старик горько запричитал:

— Молодой господин, боюсь, мы...

Маленький господин Тао с яростью грохнул чашку о стол и взревел:

— Откуда только вылезли эти оборванцы! Я спросил, умеешь или нет, так отвечай прямо: да или нет!

Старик со слепой девочкой испуганно жались друг к другу, без конца вымаливая пощаду. Но тот твердо решил самоутвердиться за их счет — ведь прямо по соседству находился тот самый кабинет, и всю эту спесь нужно было выместить на тех, кто затмил его собственную славу! Указав на старика с девушкой, он рявкнул:

— Какая наглость, еще и мои приказы смеют оспаривать! Раз даже мелодию сыграть не можешь, зачем тебе вообще пальцы? Эй, переломайте ей руки!

Двое приспешников по бокам от него тут же поднялись со своих мест. В этот момент Цзян Чжо, допив последние капли вина, легко швырнул кошелек с монетами к ногам старика. Все вокруг уставились на него: с его ярко-красными отпечатками у уголков глаз и лениво откинувшимся назад телом он выглядел вызывающе. С улыбкой, в которой не было ничего весёлого, он произнес:

— Девушка, почтенный старец, я хочу послушать Поход на Север ещё раз.

Этой компании Цзян Чжо прежде не встречался — хотя человека с такой внешностью просто невозможно было забыть.

Лицо Маленького господина Тао то бледнело, то зеленело. Внезапно он резко развернулся и со всего размаху влепил звонкую пощёчину стоявшему позади слуге, взъярившись:

— Чего стоишь столбом?! Выколи ему глаза, а потом содрать с него эту шкуру!

Получивший пощёчину мужчина средних лет наконец пришел в себя:

— Оковы Души!

Это было заклинание укротителей духов, способное парализовать человеческое тело. Но Цзян Чжо ничуть не испугался: заложив складной веер за пояс, он небрежно подхватил палочку для еды.

Мужчина средних лет молнией метнулся вперёд, двигаясь с призрачной быстротой — сидевшие в зале зеваки даже не успели заметить, как он оказался рядом, и нанёс Цзян Чжо три удара подряд! Кто же знал, что каждый удар уйдёт в пустоту, и когда он попытался отдернуть руку, в груди вдруг тяжело ухнуло: Цзян Чжо, задействовав всего лишь ту самую палочку для еды, исполнил приём Вытягивания Лезвия!

Укротители духов в зале один за другим с грохотом рухнули на пол, а ширмы разметало невидимой волной ци. По всему залу разнеслись крики и вопли ужаса — те самые наглецы, что минуту назад кичились своим превосходством, теперь испуганно бежали, прикрывая головы руками. Маленькая слепая девочка оказалась на редкость смелой и действительно заиграла Поход на Север. Звонкие, исполненные гнева звуки падали прямо на сердце, отдавая

неожиданной удаляю.

Цзян Чжо пинком опрокинул одного негодяя, затем второго. Эта свора ползала под столами, пытаясь укрыться, но Маленький господин Тао, умирая от желания сохранить лицо, до последнего продолжал угрожать:

— Да как ты смеешь?! Ты хоть знаешь...

Он не успел договорить, как полетел прямо в окно, со второго этажа рухнув на мостовую, и оттуда донеслись его несмолкающие проклятия. Цзян Чжо взял со стола ещё не початую бутылку вина, половину выпил, а половину вылил вниз. Юношу окатило вином с ног до головы, и от дикой злости его затрясло:

— Ты... да как ты...

<http://bllate.org/book/19195/1885291>